

Шу Мужуй была недовольна, но «рука дающего не визжит», а «рот того, кто ест чужое, мягче». Даже если у нее были претензии, она все равно сделала так, как просил Цзян Шуньянь.

— Ничего страшного, не слушай его, отправляй как есть. Просто добавь строчку: «Сегодня вечером свидание вслепую, и он слишком богат».

— Свидание вслепую?

Шу Мужуй отложила телефон и с презрением посмотрела на Оуэна.

— С кем? С тобой?

Оуэн поправил воротник, покрутился перед бокалом, любуясь своим отражением, и с напускным сожалением вздохнул.

— Ну, если я, то я. Скрепя сердце соглашусь тебя поддержать.

— Тьфу, у меня есть деньги на обед. Ты угощаешь, но мне это не нужно.

Цзян Шуньянь больше не мог этого слушать и решительно указал на вход.

— Проходите, не провожаю.

— Что случилось? Ведь это не он угощает, это блюда от шефа Вэя.

— Извините, я здесь второй хозяин, — с важным видом заявил Оуэн.

Шу Мужуй моргнула, и ее голос сразу стал тише.

— Сначала поедим, а потом поговорим.

— Ха-ха-ха!

Все рассмеялись.

— Ик... Нет, я больше не могу.

Цзян Шуньянь, держась за живот, без сил растянулся на стуле. Оуэн и Вэй Цзинжун почти не притронулись к еде.

А вот Шу Мужуй, настоящая звезда вечера, все еще ела.

Цзян Шуньянь чуть не выкатил глаза.

— Ты что, не ужинала?

— Ужинала, в компании заказали ланч-боксы, но вкус так себе. Ни в какое сравнение с кулинарным мастерством шефа Вэя!

Шу Мужуй продолжала есть, блюдо за блюдом. Если бы она хоть немного сдерживалась за столом, Цзян Шуньянь бы, наверное, сделал вид, что не знает ее.

Но блюда, приготовленные Вэй Цзинжуном, действительно были безупречны.

Цвет — насыщенный, но не перегруженный. Яркий желтый, свежий зеленый, соблазнительный

красный, глубокий коричневый, темный черный и густой белый. Глаза пробовали еду раньше рта, и внешний вид во многом влиял на аппетит.

Вид этих блюд не вызывал желания наброситься на них, а скорее пробуждал чувство бережливости и нежелания нарушать их прекрасную и изысканную гармонию.

Аромат — изысканный, но не навязчивый. Запах блюд не был настолько сильным, чтобы сразу ударить в нос, не было резкого напора. Он был легким, на обычном расстоянии можно было уловить лишь слабый намек. Лишь поднеся блюдо ко рту, можно было почувствовать его истинную глубину, подобно непрерывному потоку — мягкому и нежному.

Вкус — насыщенный, но не резкий. Когда блюдо попадало в рот, вкус не сразу заполнял его, а с каждым жеванием постепенно раскрывался, многослойный и сбалансированный. Закрыв глаза, можно было даже почувствовать историю и картины, которые блюдо несло в себе, словно переносясь в другой мир. И это послевкусие оставалось надолго.

Каждое блюдо было историей, и во время еды можно было почувствовать сердце и прошлое повара.

Цзян Шуньянь чувствовал искренность, сосредоточенность и переполняющее счастье.

Это ощущение было таким же, как и тогда, когда он потерял сознание и попробовал тот жареный рис.

Отдохнув немного на стуле, Цзян Шуньянь, после долгих раздумий, снова взял палочки.

Живот был полон, но во рту все еще оставалось желание насладиться этим вкусом.

Двадцать с лишним блюд были съедены дочиста, не оставив ни крошки.

Цзян Шуньянь и Шу Мужуй были окончательно повержены и не могли шевельнуться.

— Если вы будете так есть, то совсем опустошите «Лазурный берег».

Цзян Шуньянь с трудом поднял руку, сдерживая икоту.

— Не... ик... невозможно, это... ик... только один раз. Если так есть... ик... «Лазурный берег» не опустеет, а мы... ик... сначала обанкротимся.

Шу Мужуй держалась лучше Цзян Шуньяня: не икала и не развалилась на стуле, теряя всякий приличный вид, как он.

— Шеф Вэй, если в следующий раз будет такая возможность, не забудьте обо мне.

— Не мечтай, раз уж был один раз, будь довольна, — Оуэн взглянул на часы. — Ладно, уже поздно, я отвезу вас двоих домой.

— Ты пил, мы с Шуньянем лучше возьмем такси.

— Красавица Шу, уже за полночь, такси не найдешь. Не волнуйся, я выпил только один бокал, и то давно протрезвел.

Оуэн, опираясь на стул, протянул руку к Шу Мужуй.

— Пойдем.

Шу Мужуй внешне не показывала вида, но, как и Цзян Шуньянь, была настолько сыта, что едва могла двигаться. Но раз Оуэн уже так сказал, она не могла отказаться и, стиснув зубы, поднялась.

Надо сказать, Оуэн был настоящим старым лисом. Как только Шу Мужуй коснулась его руки, он не отпустил ее. Другой рукой он обнял ее за плечи, помогая выйти, и выглядело это довольно интимно.

Цзян Шуньянь и Вэй Цзинжун наблюдали за этой картиной, и даже дурак понял бы, что у Оуэна на уме.

Не слишком ли у него специфические вкусы?

— Что делаешь?

— Прислали фотографии блюд, думаю, как их оформить.

Инь Ци вышел из ванной, вытирая мокрые волосы. Ши Лэй сидел за компьютером без одежды, на экране одна за другой сменялись фотографии.

Сразу было видно, что перед ними — последствия бурной ночи любви.

— Дай посмотреть.

Инь Ци, увидев, что Ши Лэй занят, не удержался и, облокотившись на его плечо, выхватил мышь, быстро переключая фотографии.

— Эй, неплохо, прямо захотелось поесть.

— Тогда, когда закончим с этим делом, ходим в тот ресторан.

— Хорошо.

Инь Ци улыбнулся и поцеловал Ши Лэя в плечо.

Ши Лэй погладил его по волосам, успокаивая.

— Ладно, иди спать, я скоро закончу.

— Хорошо, я уже устал.

Выключив свет, Ши Лэй сидел перед компьютером, уставившись в экран, в голове был полный хаос.

Похоже, слишком похоже!

Этот стиль, это ощущение, слишком напоминает его!

Когда Ши Лэй впервые увидел Цзян Шуньяня, он показался ему знакомым, как будто где-то встречал его, но тогда он не мог вспомнить.

А во второй раз, в момент рукопожатия, он вспомнил.

Этот человек был тем, кто был с Шу Мужуй на кладбище.

Но в тот миг он почувствовал Сюй Жаня.

Ши Лэй встал, подошел к окну и закурил.

Тусклый огонек зажигалки на мгновение вспыхнул в темноте, легкий дымок поднялся в воздух, создавая туманную пелену, от которой немного кружилась голова.

В ту ночь, когда с Сюй Жанем случилось несчастье, Ши Лэй был в квартире Инь Ци, сидел на диване в гостиной, и сердце разрывалось от боли. На экране телефона горел номер Сюй Жаня, но он так и не смог набрать его.

Он, наверное, ненавидит меня!

Ши Лэй знал это, но не мог отрицать, что его сердце больше не принадлежало ему. Даже если бы Сюй Жань не застал его в тот день, они все равно жили бы как чужие люди, и вопрос был только во времени.

Он обещал забрать свои вещи у Сюй Жаня, но сейчас его ноги будто налились свинцом, и он не мог сдвинуться с места.

Инь Ци был избит, и Ши Лэй оставался с ним, пока тот не уснул, и только тогда он смог немного отдохнуть.

Он хотел позвонить Сюй Жаню, сказать, что сегодня не придет, и узнать, как он.

Днем он видел, как Сюй Жань на глазах у всех решительно уволился. Честно говоря, в тот момент он даже почувствовал облегчение. Сюй Жань ушел, и теперь они не будут сталкиваться друг с другом, избегая неловкости.

Но он больше хотел знать, что Сюй Жань планирует делать дальше. Уволившись, как он будет жить?

Ши Лэй, разрываясь между мыслями, сидел на диване с телефоном в руках и уснул.

А потом получил известие о смерти Сюй Жаня...

Ши Лэй резко встряхнул головой, вырываясь из воспоминаний, сердце сжималось от боли.

Двое, которые когда-то были вместе, теперь разделены жизнью и смертью: один забыт, другой продолжает жить.

Эх...

Ши Лэй глубоко затянулся сигаретой и закашлялся.

Он еще не привык к этому вкусу, но чувство упадничества, которое излучала сигарета, уже стало частью его.

После смерти Сюй Жаня ему было нелегко, он сталкивался с коллегами, друзьями, родителями Сюй Жаня и с самим собой.

Чувство вины, раскаяние — но все было бесполезно.

Сюй Жань умер.

Безмолвно упал с высоты и умер.

Оставив ему бесконечное чувство вины и рану, которая никогда не заживет.

Он ушел, и у Ши Лэя больше ничего не осталось.

Но Инь Ци не ушел, он остался с ним. Если бы не он, судьба Ши Лэя, возможно, была бы такой же, как у Сюй Жэня, и на этом бы все закончилось.

Предав одного, нельзя предать второго.

Ши Лэй потушил сигарету, глядя на неизменный ночной пейзаж.

Ветер был прохладным, он проникал прямо в сердце, до самой глубины раны.

Авторское примечание:

Извините, сегодня был очень занят, обновление задержалось (□▽□)

6-го числа будет двойное обновление, не пропустите!

Маленькая сценка:

Цзян Шуньянь: Ик... больше не могу, я больше не могу есть.

Оуэн: Эй, а ты сможешь его прокормить, если он так ест?

<http://bllate.org/book/16592/1516418>